

ГУМАНИТАРИСТИКА, ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ, ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

В академической и педагогической практике последних десятилетий сложился некий стереотип восприятия и, соответственно, употребления трех означенных в заглавии статьи терминов как полных синонимов, что нередко приводит к очевидной смысловой путанице, а в некоторых случаях – к прямой подмене понятий (как правило, термин «гуманитарные науки» не только используется для обозначения указанной дисциплинарной парадигмы, но и выступает как своего рода фигура замещения по отношению к гуманитарному знанию и гуманитаристике). С точки зрения сугубо бытийной, это явление закономерно, поскольку является «стихийным» ответом научного (гуманитарного) сообщества на происходящие в социуме изменения, самым существенным образом отражающиеся на судьбе означенных наук и областей знания и практики. Пытаясь осмыслить сложившееся положение дел, найти свое место в новой «системе координат», закрепить его за собой и тем самым отстоять свое право на существование как таковое в новых условиях, сообщество вынуждено выстраивать методологический, понятийный и инструментальный аппарат в направлении предельного обобщения, максимального охвата всей возможно мыслимой парадигмы. Вместе с тем обобщениям любого рода по определению присущи известные недостатки: не отрицая справедливости известного речения о том, что за деревьями можно не увидеть леса, следует все же признать имплицитно заключенную в нем опасность не разглядеть в единой – но далеко не единообразной – лесной «массе» отдельного дерева. В связи с этим представляется вполне корректным и достаточно плодотворным попытка не только осмыслить триаду «гуманитаристика – гуманитарное знание – гуманитарные нау-

ки» как неразрывное единство, но и рассмотреть специфику и судьбу каждого из означенных компонентов.

Гуманитарные науки

Вполне очевидно, что гуманитарные науки как дисциплинарная область и составляющая образовательного процесса переживают в наступившем столетии не лучшие времена. Многочисленными свидетельствами сложившегося положения и растущей озабоченности гуманитарного сообщества по этому поводу являются разного рода конференции и семинары, полемики и дискуссии, разворачивающиеся как в собственно академическом пространстве, так и средствах массовой информации; наконец, все более очевидное перемещение данной проблематики из собственно бытийной и академической сферы в область художественного творчества.

В одном из последних романов южноафриканского писателя Джона М. Кутзее¹ «Элизабет Костелло» есть коллизия, служащая весьма убедительной иллюстрацией вышеизложенного. Коллизия разворачивается в главе «Гуманитарные науки в Африке» и суть ее в следующем. Главная героиня – известная австралийская писательница, по имени которой назван роман, alter ego автора – попадает в один из южноафриканских университетов на церемонию вручения почетной степени доктора *litterae humaniores* ее старшей сестре Бланш. Однако степень присуждается Бланш не за академические достижения в области гуманитарных наук, хотя когда-то она окончила университет по отделению классической филологии. По окончании университета она, почувствовав «призвание», окончила католическую миссионерскую школу и под именем сестры Бриджет отправилась в Африку, где несколько десятилетий руково-

дила больницей для местного населения и написала книгу о больнице и ее пациентах. Книга получила широкую известность в Канаде и Америке, куда автора пригласили с лекционным туром по университетам, после чего университет в стране, служению которой она отдала большую часть жизни, счел возможным удостоить ее докторской степени в области гуманитарных наук. По завершении процедуры присуждения степени Бланш — сестра Бриджет обращается к собравшимся с ответной — но, вопреки всем установлениям, далеко не благодарственной речью.

По существу, ее речь направлена *против* гуманитарных наук, которые, по ее мнению, возникли с сугубо прагматической целью — правильного перевода текста Библии на европейские языки, но постепенно расширили свою предметную парадигму. «Работа с текстом предполагала прежде всего воссоздание первоисточника, затем его достоверный перевод, который, как выяснилось, неразрывно связан с достоверным толкованием, в свою очередь, неотделимым от верного понимания историко-культурной первоосновы, давшей тексту жизнь» (С. 121; здесь и далее перевод мой. — О. Д.). В силу этого науки о языке, о литературе как толковании текста, о культуре и истории оказались тесно связанными друг с другом и в таком виде легли в основу того, что сегодня принято называть гуманитарными науками (the humanities). По этой же причине науки, возникшие как инструмент перевода и толкования библейских текстов, превратились с точки зрения своего генезиса в собственную противоположность — в науки о человеке. В результате этого превращения оказалась утраченной основная функция гуманитарных наук — путевода в поисках Слова, смысла жизни и — в пределе — личного спасения, поскольку найти их невозможно ни у Гомера, ни у Софокла, ни у Шекспира, ни у Достоевского. Следовательно, гуманитарные науки как таковые «умерли»,

а те, кто до сих пор полагает себя их служителями, суть лишь «печальные остатки» искателей Истины, обреченные на неудачу, поскольку Истину нельзя обрести вне церкви: «Extra ecclesia nulla salvatio»².

Вышеописанная коллизия представляется типологически вполне сопоставимой с той, что сложилась в пространстве современного отечественного знания (и образования!), хотя она восходит к принципиально иному типу миропонимания и развивается на ином экзистенциальном уровне. Единство типологии основано на двух обстоятельствах: а) поставленной в центр внимания проблеме роли и судьбы гуманитарных наук в ретро- и в перспективе; б) взгляде на гуманитарные науки как на альтернативу чему-то, как на один из членов бинарной оппозиции, которую они как будто по определению образуют с непреложно существующим другим ее членом. В романе *studia humanitatis* противопоставляются *studia divinitatis*, причем противопоставление работает в обе стороны: в речи сестры Бриджет — в пользу богословия; в острой полемике, развернувшейся по поводу ее речи, — в пользу гуманитарных наук как наук, предметом которых является человек, а целью — выявление лучшего в человеке, что обусловит его выживание (спасение как обретение себя среди себе подобных) в «новом поликультурном мире», в котором «только гуманитарные науки /.../ позволяют нам найти верный путь» (С. 129).

Весьма существенной частью полемики становится вопрос о «месте бытования» гуманитарных наук, разрешаемый их сторонниками и защитниками в пользу университета как единственного пространства, в котором эти науки способны существовать и развиваться — в рамках специализированных гуманитарных кафедр. Последним, впрочем, грозит более чем реальная опасность упразднения «за ненадобностью», и эта тенденция имеет не местный, а

глобальный характер (дело происходит в начале текущего столетия).

Романная оппозиция выстраивается на границе двух пространств и вполне очевидно восходит к инварианту «сакральное – профанное», при этом гуманитарные науки сопрягаются со вторым. В оппозиции, сложившейся сегодня в рамках секулярного пространства – «гуманитарные – негуманитарные науки», – первые парадоксальным образом сдвигаются влево, в известной мере «сакрализуясь» (с учетом всех необходимых допущений). Впрочем, и в этом случае им угрожает своего рода «смерть» как результат изменений, происходящих в общественном сознании под воздействием техницистски-прагматического бытия; одно из весьма показательных проявлений этого процесса на уровне языка – вошедший в последние годы в употребление и уже не воспринимаемый как оксюморонный термин «гуманитарные технологии».

Между тем обращение к любому толковому словарю делает очевидной не только взаимную противоречивость составляющих этого термина единиц, но их взаимоисключающую семантику, ср.: «Гуманитарный (лат. *humanitas* человеческая природа; образованность; духовная культура) – относящийся к человеческому обществу, к человеку и его культуре»; «технология – 1) совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката в процессе производства; 2) наука о способах воздействия на сырье, материалы или полуфабрикаты соответствующими орудиями производства»³. Иными словами, «гуманитарные технологии» по определению низводят человека до состояния «сырья», подлежащего обработке «соответствующими орудиями производства», тем самым исходно *дегуманизируя* процесс образования. Результаты подобного рода действий не только достаточно убедительно описаны в мировой литера-

туре (достаточно вспомнить, как минимум, россиянина Е. Замятина и англичанина Дж. Орвелла), но и слишком хорошо известны из исторической практики.

Можно с сожалением констатировать, что в некотором смысле современное человечество *in vivo* переживает (проживает) то состояние, которое писатели – представители одной из самых гуманитарных профессий – на протяжении более чем ста лет пытались создать *in vitro*, описывая на разные лады искусственный интеллект, техногенное общество, машинную цивилизацию. Однако при всей романтической увлеченности открывающимися возможностями самые пронизательные из них предвидели заключенную в подобном повороте *человеческой* истории опасность и пытались предупредить о ней своих собратьев. К сожалению, предупреждение не было услышано или не было воспринято всерьез; последствия более чем очевидны, и нынешнее положение гуманитарных наук и опасность, грозящая им, – лишь одно из этих последствий.

Выраженная дегуманизация на уровне жизненной практики (и образовательной в том числе) и еще более – на интенциональном уровне, ориентированном на перспективу, есть проявление трагической парадоксальности современного бытия, одним из факторов противостояния которому, несомненно, являются гуманитарные науки как единый в своей сущности, общечеловеческий аксиологический феномен. Они суть одновременно инструмент и пространство авторефлексии социума как феномена антропологического, та ось, вокруг которой социум собирает себя и без которой само его существование вряд ли возможно; в самом последнем пределе – то, что позволяет сохранить социум как *человеческое* сообщество.

Гуманитарное знание

Если мыслить гуманитарные науки как инструмент и пространство авторефлексии социума, то гуманитар-

ное знание предстает как пространство и совокупный результат его авторефлексии, непрерывно приращиваемый как на индивидуальном (в процессе жизни), так и на совокупном социальном (в процессе развития сообщества) уровнях.

К области гуманитарных наук (дисциплин) традиционно принято относить дисциплины из областей философии, филологии, истории, понимаемых в самом широком смысле слова. Очевидно, однако, что область гуманитарного знания значительно шире и включает в себя антропологию, социологию, этнографию, политологию, с одной стороны, и область медицинских, правовых (юридических) и пр. знаний, с другой, — т. е. весь знаниевый спектр, предметом и объектом которого должен выступать человек (другой вопрос — как обстоит дело на уровне жизненной практики).

При подобном расширенном понимании гуманитарного знания весьма актуальным становится вопрос о его возможной типологии и о критериях типологизации. При самом первом приближении к проблеме наиболее очевидными представляются два критерия: социально-антропологический и корпорально-спиритуалистический (от лат. *corpus* — тело и *spiritus* — дух; термин мой, достаточно условный и допускающий корректировку. — О. Д.). На основании первого естественным образом складывается дуальная система — знание о человеке и обществе; на основании второго — триединство знания о теле, душе и духе, понимаемых не в терминологически узком, но в самом широком смысле (напр.: социальное тело; душа/дух народа; дух времени и пр. т. п.).

Не менее — если не более — актуален вопрос методологии. Современное состояние гуманитарного знания, среди прочего, характеризуется невероятной широтой методологического спектра, в котором представлены едва ли не все возможные методологические варианты

(и все многообразие их изводов), от позитивистского («точечный» сбор и линейное рядоположение разрозненных «фактов») до пост- и постпостмодернистского. Один и тот же феномен, рассмотренный в различных методологических рамках, разворачивается различными сторонами, представляя и как последовательно развернутый во времени набор знаков (символов), и как россыпь не связанных между собой элементов. Ни то, ни другое не позволяет проникнуть в суть и увидеть целое как единство неразрывно связанных составляющих.

В свою очередь, методология и «явленный» концепт (являющийся предметом осмысления феномен — как что?) определяют выбор методики работы — соответственно, многообразие методологий изначально задает невозможность состыковки методов и подходов, которыми оперируют разные области гуманитарного знания, в связи с чем представляется весьма сомнительной возможность практического воплощения интер-, междисциплинарного подхода, о необходимости которого так много говорится в последние десятилетия. Междисциплинарность (в известном смысле, взаимоконвертируемость) в гуманитарном знании возможна лишь в том случае, когда существуют некие общие концептуальные и методологические основания, позволяющие собрать воедино и структурно организовать все многообразие материала. В этом случае гуманитарное знание, обобщающее достижения гуманитарных наук, может рассматриваться как необходимое основание гуманитаристики как единой «сферы человеческого» в ее отличии от всего, что не является таковым.

Гуманитаристика

Соответственно, гуманитаристика, имеющая объектом практику самоопределения, предстает как некое деятельностное пространство субъективности. В других терминах, гуманитаристика есть условие возможности поиска ответа на вопрос «Кто есть я?», по определению задающее

не область знания, но подход к освоению обстоящего субъект мира (или ракурс отношения к нему и, в силу этого, отношений с ним). При подобном понимании сущности/природы гуманитаристики очевидно, что она возможна исключительно как нечто субъектоцентричное, «обустроивающее» себя на основаниях диалогичности, системности и обязательности/возможности этико-герменевтического «толкования вглубь». Диалогичность выступает при этом как основополагающее условие для разворачивания субъект-субъектной и субъект-объектной деятельности в пространственно-временном континууме; системность (системный подход) позволяет рассматривать любое явление в рамках данного континуума как самостоятельную в своей обязательности часть некоей системы; «толкование вглубь» (основанный на этической оценке герменевтический анализ) представляет это явление во всем его стремящемся к пределу, но никогда не достигающем его постижении многообразия смыслов. В результате гуманитаристика предстает как организованная и непрерывно развивающаяся субъекториентированная знаниевая и деятельностная система (парадигма), не только объединяющая системным же образом организованное знание каждой из составляющих ее областей, но и непрерывно приращивающая Знание в ходе своего функционирующего развития.

Материалом и продуктом гуманитаристики как пространства человеческой деятельности выступают тексты разного рода (тексты вербальные; текст жизни; текст как творимая реальность; тексты культуры и пр.). Не требует доказательств способность одного и того же текста быть частью нескольких парадигм; однако представляется возможным рассматривать все многообразие текстов в рамках триады «хроника – дневник – письмо», понимаемых не узко терминологически, но в самом широком смысле слова и

в силу этого объемлющих все многообразие сотворенного в прошлом, творимого «здесь и сейчас» и эвентуально имеющего быть сотворенным наследия человеческой деятельности, традиционно – но не всегда вполне корректно – называемого культурным наследием.

Очевидно, что гуманитарные науки и гуманитарное знание суть неотъемлемые составляющие гуманитаристики, не сводимой, однако, ни к первым, ни ко второму, ни к их арифметической сумме. Не менее очевидно, что подробно рассмотренные выше и не настраивающие на оптимистический лад проблемы и судьба гуманитарных наук и знания естественным образом восходят к общим проблемам гуманитаристики в современном все отчетливее глобализующемся мире. Представляется, что весь спектр последних в самом обобщенном виде сводим к проблемам а) внешнего и б) внутреннего порядка. При этом и разделение как таковое, и названия достаточно условны, поскольку в силу погруженности гуманитаристики во внешнюю (неакадемическую) сферу, с одной стороны, и влияния первой на последнюю, с другой, а также взаимовлияния одной на другую, в сфере практической жизни происходит некое взаимодополняющее воспроизводство проблем.

Основная бытийная причина проблем первого ряда – принципиальное несоответствие фрагментарного сознания (наследие постмодерна) и агрессивного вынужденного устремления к всеобщему объединению без учета специфики истории, культур, ментальности, духовности, мировидения и пр. В результате происходит радикальная подмена понятий на уровне оппозиций: добро – зло, прекрасное – безобразное, комическое – трагическое, знание – информация, общение – коммуникация, цель – средство, нравственное – безнравственное, вечное – преходящее и мн. др. В свою очередь, дискурсивный сдвиг ценностно-смысловой шкалы имеет неизбежным

результатом выраженный кризис (перевернутость) мышления: одномоментные выгоды практического свойства представляются и осознаются как непреходящие высшие ценности. Выгода (экономическая, политическая, статусная и пр.) на всех уровнях становится смыслообразующим понятием, определяющим аксиологические и телеологические параметры социума, а следовательно, и субъекта. Соответственно, структурообразующим элементом деятельности (бытийственной практики) становится «пространство реальности», намеренно и в высшей степени агрессивно творимое как антигуманитарное, что приводит к закономерной «утрате субъекта» и — далее — утрате Смысла.

К проблемам второго ряда следует отнести фрагментарность, разрозненность самого гуманитарного знания, основанного на достижениях гуманитарных наук, с одной стороны, и являющегося знаниевой основой гуманитарной практики — с другой; его недостаточную самоотреф-

лектированность как целостности. Двуетной причиной-следствием этого являются отсутствие единой методологии и единого проблемного поля; неразработанность понятий и терминов при обилии тех и других; непроясненность феноменологической триады «субъект — объект — результат (ценность)» как единого стержня гуманитаристики; в пределе — отсутствие единого концепта, во круг которого гуманитаристика могла бы «собрать и осознать себя».

Представляется, что подобным концептом мог бы стать концепт «гуманитарный контекст», понимаемый как пространство системно организованных ценностно ориентированных Смыслов, складывающихся, осваивающихся и присваивающихся «обретающим себя» субъектом в процессе жизненной практики и в совокупности способствующих формированию и непрерывному приращению знания, переживаемого как Знание и являющегося основой для обретения (утраченного) Смысла.

Примечания

1. Кутзее Джон М. (Coetzee, John Michael, р. 9.11.1940 в Капштадте) — южноафриканский лингвист, писатель, литературный критик; профессор Кейптаунского университета; лауреат Букеровской премии 1983 г. и Нобелевской премии по литературе; подробнее о нем см.: Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. Ч. 1. А—Л. М., 1997. С. 408-409; см. также: *Begley L. Breaking the Fourth Wall // The New York Times. Jan. 6, 2008.*

2. *Coetzee J. M. Elizabeth Costello. London, 2003. P. 119-133.*

3. Словарь иностранных слов. 17-е изд., исправленное. М., 1988. С. 145, 495.